

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Т. Д. Скрынникова

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХАЛХИ
(вторая половина XVI—XVII в.)

Проблема, заявленная в названии, слишком сложна, чтобы ее можно было разрешить в рамках статьи. Автор видел свою задачу в том, чтобы обратить внимание исследователей истории Монголии на кажущуюся простоту характера политической организации Халхи — феномена, в котором отразились процессы, протекавшие внутри общества, — и дать возможно более полный анализ ее за полуторавековой период на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Основные тенденции, определявшие политическую организацию монгольского общества данного периода, были намечены Б. Я. Владимирцовым, посвятившим специальный труд общественному строю монголов. Его периодизация, согласно которой второй период — расцвет феодализма — включает XIV—XVII вв., утвердилась в монголоведении. Но политическая структура Монголии внутри данной общественно-экономической формации не была стабильной. Благодаря тому что на рубеже XV—XVI вв. длительная борьба монгольских феодалов «завершилась победой хагана и рода Чингис-хана» [Владимирцов, 1934, с. 151], после периода «малых ханов» представителю «золотого рода» Даян-хану (1460—1543) удалось воссоздать Монгольскую империю, что позволило ему называть себя «великим юаньским ханом». Восстановленное им звание «всемонгольского хана» сохранялось за его старшими потомками до смерти последнего из них — Лигдан-хана — в 1634 г.

Объективная тенденция целостности Монголии сохранялась и после смерти Даян-хана, и даже после раздела владений между его потомками. Это выразилось не только в передаче звания всемонгольского хана его старшим потомкам, но и в действительных усилиях всемонгольского хана распространить и укрепить свое влияние на подчиненные территории. Насколько это было эффективно, зависело от личных качеств хана не меньше, чем от объективных условий. Так, нам известно, что из всех сменивших Даян-хана всемонгольских ханов наиболее реальных результатов добились Тумэн Дзасакту-хан и Лигдан-хан.

Для этого периода характерно наличие не только централистской, но и центрбежной тенденции, и их борьбой в Мон-

голии отмечены XVI—XVII вв. Деятельность децентрализаторов была направлена на создание собственных феодальных объединений, что успешно реализовалось в условиях той Монголии, когда всемонгольский хан не мог преодолеть слабость центральной власти и создать эффективную государственную структуру. Децентрализаторы, обладая реальной силой, искали необходимое теоретическое обоснование права на власть и нашли его в традиционной монгольской концепции, согласно которой этим правом обладал человек ханского достоинства. Те феодалы, поданные всемонгольского хана, которым удалось достигнуть определенных результатов в реализации своих экспансионистских устремлений, старались закрепить их получением титула хана. Так, после смерти Даян-хана титул хан носил только верховный правитель — всемонгольский хан. Но усиление главы тумэтских монголов Алтана привело к тому, что в 1548 г. он обратился к Дарайсуну, ставшему всемонгольским ханом, с просьбой о присвоении ему звания хана: «Алтан пришел [и сказал Дарайсуну]: „Ты получил свой титул престольного владыки-хана, успокоил свое государство. Существует титул малых ханов — шитну-хан¹ — защитник власти хагана. Соизволь дать мне тот титул. Я буду защищать твоё великое правление“. Хаган согласился и дал Алтану титул шитну-хан» [Erdeni-yin tobči, 1960, с. 219]. А после смерти Алтан-хана его сын Сэнгэ Дурэн в 1584 г. уже «сел ханом» [Erdeni-yin tobči, 1960, с. 266].

Тумэтский Алтан-хан подкрепил эту концепцию буддийской идеей, также имевшей давнюю традицию в монгольской политической теории, — идеей о царе Чакравартине. Достойным правителем был тот, кто следовал теории «двух принципов», т. е. сочетал в своей политической практике светский и религиозный законы. При этом примат светской власти над духовной был бесспорным: «владыкой учения» мог считаться тот, «кто может заставить протекать четыре великие реки Абишеки во имя хагана, Владыки государства» [Бира, 1978, с. 96]. Утверждением, что Алтан-хан правит в соответствии с теорией «двух принципов», проводилась параллель между деятельностью Хубилая, который первым из монгольских правителей использовал эту доктрину в управлении государством, и деятельностью Алтан-хана. Обращение к этим двум концепциям имело целью обосновать идеологически законность притязаний Алтан-хана на власть не только в своих владениях².

¹ «Шитну-хан мы переводим как „малый хан“, это выражение не поддается точному переводу» [Шастина, 1957, с. 189].

² В связи с поставленной проблемой интересно привести высказывание Ш. Биры: «В годы правления таких влиятельных хаганов, как Батумункэ Даян-хаган, Тумэн-Засакту-хаган, Алтан-хаган, Лигдан-хаган, были предприняты активные попытки преодолеть раздробленность страны, восстановить ее единство и утвердить твердую центральную власть хагана — потомка Чингис-хагана» [Бира, 1978, с. 165]. Алтан-хан здесь поставлен в один ряд со всемонгольскими ханами, тогда как он типичный децентрализатор, противодействующий центральной власти и ослаблявший ее.

Пример Алтан-хана не единственный, лишь наиболее яркий. «Весь монгольский улус образовывал в XVI—XVII вв. типичное феодальное государство с чрезвычайно слабой центральной властью, которая сделалась, под конец, настолько слаба, что, можно сказать, исчезла совершенно. Вместо одного хана появилось несколько, но „монгольский улус“ в качестве феодального, кочевого к тому же объединения, продолжал существовать, базируясь на натуральном хозяйстве с изолированными районами, со слабо развитым товарообменом, тоже ограниченным определенными и довольно разнообразными районами. Конечно, в таком „объединении“ противоречащих элементов было гораздо больше, чем связывающих, и оно обречено было на то, чтобы быстро перейти в другую фазу своего развития» [Владимирцов, 1934, с. 158].

Б. Я. Владимирцов писал это о Монголии, частью которой — одним из шести тумэнов — была Халха. О том, что халхасцы осознавали свое единство со всей Монголией, можно судить по наличию родословных всемонгольских ханов, традиционных и для халхаских летописей XVII в. Но в какой зависимости от центральной власти находилась Халха, как осуществлялись связи, мы сказать не можем за отсутствием сведений. В источниках есть только редкие упоминания о существовавших торговых отношениях между Южной Монголией и Халхой, о военной помощи, оказанной тумэтским Алтан-ханом халхасцам в борьбе против ойратов.

Специальных работ о внутренней организации Халхи XVI—XVII вв. нет, этот вопрос затрагивают исследователи в общих трудах, посвященных монгольской истории. Так, авторы «Истории Монгольской Народной Республики» отмечают: «В это время Монголия была раздроблена на феодальные уделы и не имела экономического и политического единства» [История МНР, 1967, с. 167]. В исследовании монгольской истории маньчжурского периода Г. С. Гороховой мы читаем: «В середине XVII в. на территории Халха-Монголии (Северной Монголии) существовал ряд независимых ханств и княжеств, среди которых... выделялись три халхаских ханства: Тушету-хана, Дзасакту-хана и Цэцэн-хана» [Горохова, 1980, с. 11]. Это одна точка зрения, которая подчеркивает феодальную раздробленность в Халхе, независимость и несвязанность халхаских ханов.

Ряд монгольских исследователей придерживаются мнения о создании в Халхе государства с ханом во главе (монг. *Халхын хаант улс буй болсон нь Абтай*) [Гонгор, 1970, с. 185]. Связывают это с возросшим авторитетом Абатая, который даже стал управлять всей Халхой [Нацагдорж, 1978, с. 162—163; Нацагдорж, 1963, с. 16]. Халхой управлял и его сын Эрэхэй Мэргэнхан [Гонгор, 1970, с. 203]. Особо отмечаются усилия Тушету-хана Гомбодорджи (1594—1655) по укреплению единства Халхи [Нацагдорж, 1963, с. 34—35; Гонгор, 1970, с. 203], а Тушету-хан Чихундорджи (1634—1699) называется исследователями ха-

ном, который управлял всей Халхой [Нацагдорж, 1963, с. 57], т. е. монгольские историки считают, что Абатай-хан и его потомки — Тушету-ханы управляли Халхой. Но в своей работе Д. Гонгор мимоходом замечает, что в конце XVI в. Ашихай Дархан-хунтайджи, с одной стороны, подчинил себе другие хошуны и должен был управлять западным крылом, с другой — стремился владеть всей Халхой по праву старшего³ [Гонгор, 170, с. 182].

Мы имеем две совершенно противоположные точки зрения на политическую организацию Халхи второй половины XVI—XVII в.: с одной стороны, абсолютная самостоятельность халхаских хошунов, с другой — подчинение всей Халхи Тушету-ханам. В нашу задачу входит решить, верна ли одна из них, или необходимо говорить об иной политической организации монгольского общества. Термин «Халха» закрепился за наследственным владением Гэрэсэндээ, младшего сына Даян-хана, в составе семи из двенадцати халхаских отоков около середины XVI в. После смерти Гэрэсэндээ Халха была поделена между его семью сыновьями, но это не означало политического дробления. Никто из исследователей не учитывал важной для Монголии традиции, не фиксированной юридически ни в одном известном нам своде законов: после смерти главы ему наследовал всегда старший сын, к нему переходили титул и вся полнота военной, административной и судебной власти. Так, после смерти Гэрэсэндээ, полное имя которого было Гэрэсэндээ Джалаир-хунтайджи, титул хунтайджи и с ним власть наследовал Ашихай Дархан-хунтайджи. Поскольку территорией, которой владел Гэрэсэндээ, была вся Халха, то Ашихай Дархан-хунтайджи получил власть над всеми семью халхаскими хошунами, т. е. как всемонгольский хан обладал правом власти над всей Монголией. Так же как владения всемонгольского хана, Халха разделялась на два крыла⁴: западное крыло, состоявшее из четырех хошунов⁵, возглавлял Ашихай Дархан-хунтайджи, а восточное, состоявшее из трех хошунов⁶, вероятно, сразу двое — Нунуху Уйдзан-нойон и Амин Дурал-нойон⁷. О том, что эта традиция передачи власти старшему «золотого рода» сохранялась и позднее, свидетельствует факт, отмеченный И. С. Ермаченко: китайские источники содержат материалы, из которых следует, что даже в конце XVII в. потомок Ашихая Дархан-хунтайджи — Дзасакту-хан

³ Старший сын наследовал престол, младший был хранителем очага.

⁴ Ж. Легран пишет о разделении Халхи на три крыла, из которых центральное возглавлялось Нунуху. Но это явление более позднего времени [Legrand, 1976, с. 83].

⁵ Ашихай Дархан-хунтайджи, Ноентай Хатун-багатур, Далдан-хундулэн, Саму.

⁶ Нунуху Уйдзан-нойон, Амин Дурал и Дари (или Тарни), который потомства не имел и владения которого перешли к Амин Дуралу.

⁷ Титул нойон отличал их от других сыновей Гэрэсэндээ, которые носили титулы тайджи, багатур, хундулэн [Шастина, 1957, с. 153].

являлся номинальным главой Халхи [Ермаченко, 1974, с. 148]. За рассматриваемый период Халху возглавляли Ашихай Дархан-хунтайджи — Баяндар-хунтайджи — Лайхор-хаган — Субантай Дзасакту-хаган — Норбо Биширэлту-хаган — Ванчок Мэргэн-хаган⁸ — Шара Дзасакту-хаган. В функции главы Халхи входило как управление своим — западным крылом, состоявшим из четырех хошунов, так и всей Халхой, т. е. семью хошунами. О том, что политическое объединение «семь халхаских хошунов» было реальным, свидетельствуют данные русских документов конца XVII в., где говорится, что в 1687 г. «на Селенгинск и Удинск идет войско „семи тайшей долонкошуевщины (семи хошунов.— Т. С.)“» [Шастина, 1958, с. 62], таким образом, согласно монгольской традиции, которая являлась достаточным идеологическим обоснованием, Дзасакту-ханы обладали наследственным правом власти над всей Халхой. Чтобы осуществить это право, надо было еще иметь силу для его реализации. На практике же феодализму вообще и кочевому в особенности свойственно наличие центробежных сил — Халха в данном случае не была исключением.

В монгольских летописях XVII в., которые содержат перечень имен монгольских феодалов, борьба центростремительных и центробежных тенденций проявляется в титулах, которые носят феодалы в ряде поколений. Глава Халхи — Гэрэсэндзэ получил титул хунтайджи. До последней трети XVI в. в Халхе не существовало феодала с титулом хаган. Но поскольку для Халхи также была характерна борьба двух тенденций, то феодалы, реализовавшие свои возможности, обратились к практике, примененной Алтан-ханом, т. е. присвоили себе титулы, которые давали право на более широкие полномочия. Если из семи сыновей Гэрэсэндзэ лишь Ашихай носил самый высокий титул в Халхе — хунтайджи, то во втором поколении картина изменилась. За потомком Ашихая сохранился его титул — Баяндар-хунтайджи, но потомок Нунуху Уйдзан-нойона (третьего сына Гэрэсэндзэ) — Абатай благодаря собственным заслугам занимает положение более высокое в феодальной иерархии. Его выделению среди монгольских князей способствовало как центральное географическое положение в Халхе на границе восточного и западного крыла, так и его собственная деятельность. Данные источников немногочисленны, но из них мы узнаем, что он с 13 лет воевал с ойратами, подчинил часть их своей власти и посадил там править своего старшего сына; он поддерживал торговые отношения с Южной Монголией. «Врагов привел к своей власти, опекал братьев старших и младших без различия, [ему] был поднесен титул хамуг эхи тушету хаган» [Asaraġiĭ neretü-yin teüke, 1960, с. 77]. Из ойратских кочевий он привел пленного Давачи-бакши, который

⁸ В данном случае мы не учитываем нарушений права наследования, связанных с борьбой за власть внутри семьи.

склонил его к буддизму [Пэрлээ, 1974, с. 18, 81], а от хухэ-хотоских торговцев узнал о Далай-ламе и решил его посетить [Asarači neretü-yin teüke, 1960, с. 77].

Получение титула хана Абатаем привело к аналогичному шагу глав двух крыльев, но не столько с благословения Далай-ламы, сколько по их собственной инициативе. И в третьем поколении сын Баяндара-хунтайджи уже известен под именем Лайхор-хагана, а титул хунтайджи переходит к его двоюродному брату — Шолой-убаши-хунтайджи (Алтын-ханы Западной Монголии); второй сын Абатай-хана после его смерти правил землями по р. Толе под именем Эрэхэй Мэргэн-хана⁹. Глава восточного крыла получил титул джинон — Шолой Далай-джинон, а позднее и титул хана — Шолой Сэцэн-хан¹⁰. В четвертом поколении — 30-е годы XVII в. — титулы закрепляются окончательно. Потомки Ашихая получают титул Дзасакту-ханов¹¹, и это имя переносится на их владения; кочевья потомков Абатай-хана по р. Толе называются тушетухановскими, восточная часть Халхи — сэцэнхановским аймаком.

Можно сказать, что конец XVI—XVII в. в Халхе отмечены борьбой двух сил. Но борьба Дзасакту-хана и Тушету-хана носила не случайный локальный характер, это была борьба законного обладателя власти за сохранение своих прав с противником центральной власти. Даже децентрализаторские устремления Алтын-ханов Западной Монголии, которые подлежали непосредственному управлению Дзасакту-ханов, не имели столь далеко идущих последствий, хотя тоже подрывали мощь дзасактухановского аймака.

Длительное и успешное для Тушету-ханов соперничество объясняется как объективными причинами (во-первых, выгодное географическое положение тушетухановского аймака в центре Халхи, благодаря которому он стал ее экономическим центром, что влекло за собой возрастание его политической и культурной роли; во-вторых, стабильность власти — за XVII в. сменились только два правителя — Гомбодорджи и Чихундорджи), так и причиной субъективной: энергичный характер Абатай-хана, заложившего основы процветания своих владений, и его потомков, особенно Гомбодорджи и Чихундорджи. Значительному противодействию тушетухановского аймака центральной власти в лице Дзасакту-хана способствовала нестабильность власти последнего: смерть Дзасакту-хана в 1661 г.

⁹ Старший сын Абатай-хана носил титул хунтайджи при жизни отца как его прямой наследник — Сабудай Улдзей-хунтайджи. Был убит восставшими ойратами сразу после смерти отца.

¹⁰ В сообщении «Тайцзун шилу» от 1636 г. он назван «Маха самади Сэ-чень ханом» [Ермаченко, 1974, с. 72].

¹¹ «В то же время (1635 г.—Т. С.) Сабудай в своей западной дороге, [присвоив себе] титул Эрдэни Биширэлту Дзасакту-хан (законный хан, обладающий драгоценной верой), сделал еще шаг по сравнению со своим отцом Лайхором, который назывался только ханом, и не более» [Legrand, 1976, с. 83].

повлекла за собой острую борьбу за престол между его потомками [Ермаченко, 1974, с. 114—115]. Это не только ослабило дзасактухановский аймак, но и в связи с переходом его подданных к Тушету-хану усилило позиции последнего. Положение на западе обострялось тем, что в борьбу за власть после смерти Сэнгэ были втянуты ойраты, которые в 1657 г. образовали два лагеря [Лунный свет, с. 41]. В дальнейшем конфликт обострился еще больше, что вызвало в 1686 г. вмешательство Далай-ламы и Кан-си, он перерос рамки Халхи, на стороне Дзасакту-хана выступил ойратский Галдан Бошотку-хан, а Дзасакту-хан был убит Тушету-ханом. Развитие и усложнение этого конфликта привели к потере Халхой самостоятельности в 1691 г.

Но рост авторитета Тушету-ханов в Халхе отнюдь не означал того, что власть и управление перешли в их руки. Значение традиции, когда главой считался старший в роде, было велико, и это достаточно хорошо прослеживается в оригинальном источнике XVI—XVII вв., опубликованном Х. Пэрлээ,—сборнике «Восемнадцать степных законов». Основная часть законов относится к первой четверти XVII в.—с 1604 по 1620-е годы (три закона были составлены в XVI в., один — в 1639 г.). Состав участников всегда разный, но можно отметить законы, где выделено, что они приняты всей Халхой, т. е. семью хошунами: закон второй половины XVI в., хотя в нем отмечено и реальное число хошунов — шесть («эти шесть хошунов») [Пэрлээ, 1974, с. 80—82], законы 1604 г. (с. 86), 1620 г. (с. 100—104), 1639 г. (с. 106). Есть законы, где не декларируется, что они приняты семью хошунами, но в которых последние упоминаются или отмечаются, что в том или ином случае необходимо соблюдать закон, принятый семью хошунами: законы 1611 г. (с. 87), 1614 г. (с. 92), 1616 г. (с. 96), 1617 г. (с. 98). Кроме того, отмечаются законы, принятые четырьмя хошунами¹²: 1613 г. (с. 88), 1614 г. (с. 89), 1616 г. (с. 94), 20-е годы XVII в. (с. 99).

Среди участников съездов и собраний, на которых эти законы принимались, раньше всех титулом хаган отмечены потомки Нунуху — Абатая: Эрэхэй-хаган — XVI в. (с. 83), Тушету-хаган — 1614 г. (с. 93), 20-е годы XVII в. (с. 99), 1639 г. (с. 106). Титул Дзасакту-хан употребляется впервые в 1639 г. (с. 106).

Но в тексте законов фигурирует также хаган ахай («старший хан») — законы 1617 г., 1620 г. (с. 98, 100). Кто мог носить звание старшего в Халхе? Х. Пэрлээ, который подготовил и издал памятник, приписывает титул хаган ахай Тушету-хану Гомбодорджи, которому в это время было около 20 лет (с. 124). Мнение, что Абатай-хан и его потомки управляли Халхой, проникло и утвердилось в монголоведении благодаря

¹² О четырех хошунах см. с. 209.

их политической активности. При этом забывается, что власть наследует старший сын (в Халхе — Ашихай и его потомки) и, следовательно, лишь он мог носить звание «старшего хана», когда в Халхе стало несколько ханов. В своде «Восемнадцать степных законов» есть доказательство тому, что и для самих халхасцев первой половины XVII в. именно потомки Ашихая являлись главными: те два закона, где мы встречаем титул хаган ахай, связаны непременно с семьей хошунами, так же как имя Дзасакту-хана в законе 1639 г. Составители «Восемнадцати степных законов» соблюдали этикет: в этом сборнике законов мы лишь дважды встречаем имена потомков Ашихая и Нунуху рядом — в законе конца XVI в. (с. 83) — Эрдэни-хунтайджи и Эрэхэй-хаган, и в законе 1639 г. — Дзасакту-хан и Тушету-хан (с. 106), но оба раза имя потомка Ашихая Дархан-хунтайджи при перечислении феодалов-участников ставилось первым, несмотря на то что в XVI в. сын Абатая уже носил титул хан, тогда как потомки Ашихая — хунтайджи.

Перечисление феодалов, участвовавших в составлении закона 1620 г., начинается так: «Старший хан Золотого рода, правитель Хатун Багатур-нойон, правитель Дархан Тушету-нойон...» (с. 100). Хатун Багатур-нойон — потомок второго сына Гэрэсэндзэ, владения которого входили в западное крыло, и он не мог быть правителем у Тушету-ханов из восточного крыла. Более того, при том следовании этикету, который соблюдался составителями законов, прежде него может быть упомянут лишь старший родственник, т. е. Дзасакту-хан, а не Тушету-хан. Мы уже говорили, что формально власть над Халхой получили Дзасакту-ханы, и указание на то, что владения хаган ахая разделяются на правое и левое крыло (с. 100), еще раз подтверждает, что именно Дзасакту-ханы были старшими в Халхе.

Субантай, наследовавший Лайхор-хагану, чтобы выделить себя среди других ханов Халхи, называется в «Восемнадцати степных законах» «старшим ханом». Им была предпринята попытка строго организовать и регламентировать жизнь халхаских хошунов в целях усиления центрального управления¹³. Границы кочевий обоих крыльев были фиксированы, и нарушение их каралось штрафом — 50 верблюдов с нойонов и три девятка с табунанга и шигэчина — закон 1620 г. (с. 100). Дзасакту-хан, возглавлявший Халху, предпринял реальные шаги к тому, чтобы действительно управлять ею, для чего назначил кроме правителей восточного крыла — Дархан Тушету-нойона и западного — Хатун Багатур-нойона фиксированных чиновников, осуществлявших правление в семи хошунах (с. 101).

Периодичность съездов не фиксирована, но отмечается

¹³ Вероятно, благодаря этому Субантай получил в дополнение к титулу хаган, наследованному им от Лайхора, титул Дзасакту, который закрепился за его потомками. Дзасакту — не только «законный», но и «обладающий властью».

обязательность присутствия феодала. Положение, выработанное в XVI в., возможно, Ашихаем: «Если нойон не прибыл на съезд, взять [с него] панцирь, сто верблюдов и тысячу коней» (с. 81), в 1620 г. было уточнено таким образом: «Если на съезд не придет человек ханского достоинства, взять [с него] 100 коней, 10 верблюдов. Если не придет табунаг или шигэчин — 50 коней, 5 верблюдов» (с. 100). Постановления съездов обладали силой закона, и требовалось неукоснительное их соблюдение, за чем следили чиновники: «Если этот закон нарушит человек ханского достоинства, взыскать 1000 коней, 100 панцирей, 100 верблюдов. Если нарушит владетельный борджигин, поступить так же. Невладетельный борджигин [штрафуется] тремя девятками. Табунаг и шигэчин — 5 панцирями, 5 верблюдами, 50 лошадьми. Если нарушит простолюдин, [его] казнят, а имущество конфискуют» (с. 100).

Если понятие о семи хошунах связано с именем старшего хана, Дзасакту-хана, то понятие «четыре хошуна» в «Восемнадцати степных законах» связано с восточным крылом Халхи, лидерство в котором в XVII в. явно перешло к Тушету-хану. Мы говорили, что оно состояло в XVI в. из трех хошунов, но внутри владений Тушету-хана благодаря активности Тумэнкин Сайн-нойона выделился хошун с ним во главе. Вероятно, он являлся четвертым хошуном¹⁴. Таким образом, четыре хошуна, составлявшие восточное крыло Халхи, очевидно, были следующие: тушетухановский, сэцэнхановский, Мэргэн-тайджи (вана), Тумэнкин Сайн-нойона¹⁵.

Необходимо отметить существенное отличие законов шести и семи хошунов от других. Первые носят более общий характер, закон семи хошунов 1620 г. даже назван «Их цааз» («Великий закон»). Задача этих законов — способствовать сохранению единства Халхи, укреплению власти ее главы, поэтому они содержат постановления относительно управления, чиновничества, взаимоотношений семи хошунов и т. п. Все другие законы, принятые в основном феодалами восточного крыла, из которых наибольшую активность проявляли Тумэнкин Сайн-нойон и Тушету-хан, посвящались частным вопросам и иногда содержали отсылку: «Наказывать, как предусмотрено законом семи хошунов». Таким образом позиция Дзасакту-хана и Тушету-хана в Халхе нашли отражение в «Восемнадцати степных законах».

¹⁴ Хотя владения потомков Тумэнкина еще долго оставались в составе тушетухановского аймака и в отдельный аймак выделились лишь в 1725 г., о его самостоятельности говорит то, что уже в 1648 г. его глава Данынцзин-лама Номун-хан прислал самостоятельное посольство к маньчжурскому императору и впоследствии он упоминается в источниках постоянно [Ермаченко, 1974, с. 84—85].

¹⁵ По мнению Х. Пэрлээ, были четыре следующих хошуна: тушетухановский, Хатун-багатура, Мэргэн-тайджи (вана) и Хундулэн Цухэра, т. е. Тумэнкин Сайн-нойона [Пэрлээ, 1974, с. 108]. Но хошун Хатун-багатура не мог быть четвертым, так как входил в западное крыло.

Была еще одна область, где сталкивались интересы обеих сторон,— идеология. Формальный глава Халхи и его политический противник стремились объединить под своей властью всю Халху. Политическое единство требовало прежде всего идейного единства монгольских хошунов, где господствующей идеологией был шаманизм с массой родовых и территориальных культов, поэтому Дзасакту-хан и Тушету-хан использовали в качестве интегрирующего фактора ламаистскую церковь.

Мы отмечали постепенность распространения буддизма в Халхе [Скрынникова, 1982]. После периода деятельности в Халхе тибетских и южномонгольских лам монгольские халхаские князья, расположенные к буддизму, или принимали обет убаши, или на склоне лет отходили от светской жизни и становились тойнами. (Фраза «после того, как стал тойном» довольно часто встречается в летописях XVII в.). Благодаря покровительству феодальной верхушки буддизм шире и глубже проникал в монгольское общество, что вызвало стремление этой верхушки взять под более надежный контроль зарождавшийся институт — церковь. Феодалы пополняют ее высшие слои, посвящая в духовное звание своих сыновей, с присвоением им высшего духовного титула — хутухта.

Первым в Халхе появился Жалханцза-хутухта (1631—1654) в западном крыле, т. е. во владениях Дзасакту-хана. Естественно, что и Тушету-хан сделал ламой своего сына, а в 1639 г. провел торжественную церемонию освящения монастыря Ширету Цаган-нур и возведения на кафедру настоятеля этого монастыря Джебдзун Дамба-хутухты. В этой церемонии, инициатором которой был, несомненно, Тушету-хан, приняли участие феодалы четырех халхаских хошунов, что являлось признанием как лидерства Тушету-хана в восточном крыле, так и зарождавшегося авторитета его сына в качестве духовного деятеля.

Оба лидера имели при себе родственников-хутухт, но Тушету-хан первым сделал шаг к тому, чтобы духовное лицо, а с ним и церковь выступили в качестве централизирующего начала. Эта попытка Тушету-хана выдвинуться в духовной области вызвала ответную реакцию Дзасакту-хана, который не желал уступать позиций. Поэтому понятно, почему он приглашает к себе ойратского Намхай Джамцо сразу после принятых Тушету-ханом шагов. «Тогда халхаский Засакту-хан прислал посланца Улабу Санджина пригласить [Зая-пандиту]¹⁶. На исходе года дракона (1640 г.), по окончании цаган сара года змеи (1641 г.) весной выехал [Зая-пандита] из Толор Цорго. От Засакту-хана его пригласил Тушету-хан. От Засакту-хана и Тушету-хана его пригласил Маха самади Цэ-

¹⁶ До поездки к Дзасакту-хану он носил титул Как-ба (вероятно, хамбо.— Т. С.) Цэцэн-цорджи.

цэн-хан. Удовлетворив учением избранных, [Зая-пандита] сделался ламой трех ханов семи хошунов... Хан (Дзасакту-хан.— Т. С.) приказал давать Зая-пандите ежедневно по три барана и 30 подвод и поднес ему звание „рабжамба Зая-пандита“» [Лунный свет, с. 7—8]. Приглашение Дзасакту-ханом Зая-пандиты в свои кочевья — акт непризнания за Джебдзун Дамбахухтой лидерства. Не случайно биограф Зая-пандиты называет последнего «ламой трех ханов семи хошунов».

Так как Зая-пандита вернулся в ойратские кочевья, эта инициатива Дзасакту-хана не могла иметь широких последствий, так же как шаг, предпринятый Тушету-ханом, не сделал его сына главой халхаской церкви. Сколь энергично Тушету-хан стремился к власти над всей Халхой, так же всеми силами Дзасакту-хан пытался не только сохранить за собой звание номинального главы Халхи, но и подтвердить его реальными действиями.

Из сказанного выше можно заключить, что политическое объединение «семь халхаских хошунов» во второй половине XVI—XVII в.— феномен, существовавший реально в течение всего этого периода. Но поскольку речь идет о феодализме, то наряду со всегда номинально существовавшим носителем высшей власти в Халхе были феодалы, для которых «узкие, партикулярные интересы, характерные для феодализма, оказываются доминирующими» [Владимирцов, 1934, с. 150]. Борьба этих двух сил, а именно Дзасакту-хана и Тушету-хана, определяла внутривосточную ситуацию в Халхе рассматриваемого периода.

- Бира, 1978.— *Бира Ш.* Монгольская историография XIII—XVII вв. М., 1978.
- Владимирцов, 1934.— *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Гонгор, 1970.— *Гонгор Д.* Халх товчоон. Халх монголчуудын өвөг дээдэс ба халхын хант улс: XIII—XVII зуун. Улаанбаатар, 1970.
- Горохова, 1980.— *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980.
- Ермаченко, 1974.— *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
- История МНР, 1967.— История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
- Лунный свет.— Лунный свет. Биография ойратского Зая-пандиты. Пер. с ойратского Г. Н. Румянцева. Архив востоковедов. ЛО ИВАН, р. 1, оп. 3, ед. хр. 44.
- Нацагдорж, 1963.— *Нацагдорж Ш.* Манжий эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх: 1691—1911. Улаанбаатар, 1963.
- Нацагдорж, 1978.— *Нацагдорж Ш.* Монголын феодализмын үндсэн замнал. Улаанбаатар, 1978.
- Пэрлээ, 1974.— *Пэрлээ Х.* Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг.— Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. Улаанбаатар, 1974 (Monumenta Historica, vol. 6).
- Скрынникова, 1982.— *Скрынникова Т. Д.* Ламаизм в монгольском законодательстве XVI—XVII вв.— ПП и ПИКНВ. XVI научная сессия ЛО ИВАН. Ч. 1. М., 1982.
- Шастина, 1957.— Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.— Л., 1957.

- Шастина, 1958.— *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М., 1958.
- Asaraγči neretu-yin teūke, 1960.— *Asaraγci neretü-yin teūke.* Ulaγanbaγatur, 1960 (*Monumenta Historica. Vol. 2, fasc. 4*).
- Erdeni-yin tobči, 1960.— *Sanang Secen.* Erdeni-yin tobči. Ulaγanbaγatur, 1960 (*Monumenta Historica. Vol. 1*).
- Legrand, 1976.— *Legrand J.* L'administration dans la domination sino-manchoue en Mongolie Qalq-a. P., 1976.